

ОБАЯНИЕ ПРОСТОТЫ

18 июля 1817 г. в небольшом доме на одной из улиц английского города Уинчестера умирала женщина. Ей был сорок один год, она очень страдала. У постели умирающей, не отходя ни на минуту, дежурила ее сестра Кассандра. «Боже, пошли мне смерть, — шептали иссохшие губы. — Даруй мне терпение. Молитесь за меня». На рассвете ее не стало.

Похоронили умершую в Уинчестерском соборе, запечатлев на могильной плите ее добродетели: кротость нрава, отзывчивость сердца, дочернюю почтительность, жертвенность и богобоязненность. Забыли, правда, сказать главное: женщина, чей прах покоился здесь, была писательницей, которую последующие поколения причислили к классикам мировой литературы.

Джейн Остин решительно опередила свое время. В эпоху господства романтизма творчество этой писательницы, рассказывающей не о демонических героях и бурных страстях, а всего лишь о жизни английской провинции, осталось, по сути дела, незамеченным, а потому и не оцененным по достоинству. «Гордость и предубеждение», впоследствии самый известный роман Джейн Остин, издатель отверг, сочтя его скучным и незначительным. Современники Остин, даже самые благосклонные, пишет в своих воспоминаниях от 1870 г. первый биограф, племянник писательницы Эдвард Остин-Ли, были не слиш-

ком высокого мнения о ее сочинениях и искренне удивились бы, доведись им узнать, что их читают и век спустя. Мало что изменилось и в середине XIX в. Диккенс не подозревал о существовании Джейн Остин, Шарлотта Бронте высказалась о ней весьма уничижительно: «Точное воспроизведение обыденных лиц, тщательно огороженные и ухоженные сады... Ни одного яркого образа. Ни одного дикого ландшафта. Там нет свежего воздуха, голубых гор, суровых скал... Возможно, она разумна, реалистична... но великой она быть не может».

У Теккерея в одном из писем встречается упоминание о Джейн Остин. Но оно столь беглое, что его нельзя считать суждением. Само по себе это довольно странно. Автор «Ярмарки тщеславия», «Генри Эсмонда», «Пенденниса», «Ньюкомов» объективно развивал традиции Джейн Остин и размышлял как раз над теми художественными, в первую очередь повествовательными, задачами, которые на рубеже XVIII и XIX вв. с блеском решила мало кому известная писательница, долго подписывавшая свои произведения: «Сочинения леди».

Однако и в XIX в. нашлись ценители таланта Джейн Остин. Саути писал, что в романах Остин «больше верности природе и подлинного чувства, чем в любом другом произведении ее века», восхищались ею Колридж, историк и блистательный стилист Маколей, известный критик Генри Льюис. Но самое пронзительное суждение принадлежит первому критику Джейн Остин — Вальтеру Скотту, опубликовавшему в 1816 г. рецензию на «Эмму». «Создательница современного романа, события которого сосредоточены вокруг повседневного уклада человеческой жизни и состояния современного общества» — таков был восторженный отзыв Скотта.

Но ведь «отцом современного романа» Байрон, Бальзак, Стендаль, Белинский считали самого Вальтера Скотта. В XIX в., как, впрочем, и в первой половине XX, никому и в голову не пришло подвергнуть сомнению приоритет Вальтера Скотта. Однако мнение автора «Уэверли», потрясенного «точностью и четкостью» искусства Остин, «пониманием человеческих отношений, глубоким тактом, с которым она рисует характеры», заставляет по-новому взглянуть на некоторые литературные явления и на их последовательность.

Существует немалая путаница в датировке романов Джейн Остин, которые имеют две, а то и три «даты написания». Ее романы, как правило, становились известны публике через много лет после их создания. Например, роман «Гордость и предубеждение» писался в 90-е гг. XVIII в., а вышел только в 1813-м. Похожая судьба у «Нортенгерского аббатства». Работу над рукописью Остин начала в 1798 г., опубликован роман был только после смерти писательницы, в 1818 г. Эти даты важны не только для установления хронологии творчества Джейн Остин. Восстановив истинную последовательность событий, можно сделать вывод, что в Англии не в 10–20 гг. XIX в., но в 90-е гг. XVIII столетия начал складываться новый тип реалистического искусства, видящего и запечатлевающего неразрывную связь между личностью и обществом, постигающего личность в постоянном движении, развитии, открывающего новые по сравнению с уходящей эпохой, более «правдоподобные» формы повествования.

Для столь раннего становления реализма были особые литературные условия. Во Франции реализм заявил о себе как о самостоятельном литературном направлении после эпохи романтизма, взорвавшего

своей эстетикой эстетику Просвещения. Иная картина наблюдалась в Англии. Здесь романтизм оформился в эстетическую систему к 1798 г. — дата выхода манифеста английского романтизма, предисловия Вордсворта и Колриджа к «Лирическим балладам». Но уже к этому времени, то есть параллельно с романтизмом и сохраняя преемственность по отношению к просветительскому реализму, начал складываться, как раз в творчестве Джейн Остин, новый тип реализма.

Однако в XIX в. это не осознали. Настоящее, широкое признание пришло к Джейн Остин лишь в XX в. Ее психологическое, пронизанное изящной иронией искусство оказалось созвучным писателям рубежа века и первых десятилетий XX столетия. Теперь в ряду поклонников Джейн Остин — Г.-К. Честертон, Р. Олдингтон, С. Моэм, В. Вулф, Э. Боуэн, Б. Пристли, Э.-М. Форстер. «Из всех великих писателей Джейн Остин труднее всего „поймать на величии“, ей присущи особая законченность и совершенство», — замечала Вирджиния Вулф. «Благодаря своему незаурядному художественному темпераменту ей удается интересно писать о том, что под пером тысячи других, внешне похожих на нее сочинительниц выглядело бы смертельной скукой. Про такую писательницу, как Джейн Остин, не скажешь даже, что она оригинальна, — она проста и естественна, как сама природа», — писал один из самых проницательных английских критиков Г.-К. Честертон. «Почему герои Джейн Остин, — задает вопрос мастер психологической прозы XX в. Э.-М. Форстер, — доставляют нам каждый раз все новое наслаждение по сравнению с одним и тем же наслаждением, которое мы испытываем, читая Диккенса? Почему они так хорошо сочетаются в диалоге? Почему они никогда

не актерствуют? Дело в том, что ее герои, хотя они меньше размерами, чем герои Диккенса, организованы более сложно». Сравнение Джейн Остин с Диккенсом продолжил Р. Олдингтон: «Диккенс владел даром жить жизнью своих героев и умением передавать это чувство читателям. Погрешности вкуса, предрасположенность к мелодраме, сентиментальности и карикатуре часто ослабляют его. Дар этот у Остин был, возможно, более скромным и сдержанным, зато вкус ее был безупречным и никогда не изменял ей».

Начиная с 30-х гг. нашего столетия Джейн Остин превращается у себя на родине в едва ли не самого популярного, самого читаемого автора XIX в. А сегодняшняя Англия переживает настоящий «бум» Джейн Остин. Ее произведения, причем не только зрелые, но и юношеские (пародии, наброски), и те, что остались незавершенными, пристально изучаются; о ней написаны сотни статей; ее творчество стало предметом не одного десятка диссертаций. Ученые ведут споры, какой литературной эпохе — Просвещению, романтизму, классическому реализму — принадлежит эта писательница, кто она — рационалист, сатирик, романтик, бытописатель, бесстрастный хроникер, тонкий и глубокий писатель-реалист? Переиздаются большими тиражами романы Джейн Остин; их сопровождают превосходные иллюстрации, выполненные известными английскими художниками и графиками. Произведения Джейн Остин ставятся на сцене, экранизируются. Общество Джейн Остин выпускает ежемесячный бюллетень, публикующий информацию о всех новостях в «остиноведении», в частности о переводах произведений Джейн Остин на языки мира. Организован музей Джейн Остин. В английском языке существует слово «джейнист» —

почитатель творчества Джейн Остин. Соревнуясь друг с другом в знании текстов Джейн Остин, а заодно и в изобретательности, писатели и литературоведы дописывают ее незавершенные произведения — «Леди Сьюзен», «Сэндитон», «Уотсоны».

К сожалению, о самой писательнице известно досадно мало. Ее сестра, Кассандра Остин, то ли выполняя волю Джейн, то ли скрывая какую-то семейную тайну, а может быть, стремясь уберечь личную жизнь покойной от нескромных взглядов, уничтожила большую часть переписки и тем самым лишила биографов ценнейшего материала. Впрочем, сама же Кассандра, вовсе того не подозревая, выпустила джинна из бутылки, создав благодатную почву для всевозможных домыслов, дерзких гипотез, невероятных догадок. Почему все же Джейн Остин так и не вышла замуж — ведь ей не раз делали предложения? Правда ли, что она хранила верность брату поэта Уильяма Вордсворта, моряку, погибшему во время кораблекрушения? Была она с ним помолвлена или ее избранником стал кто-то другой? Почему на стене Уинчестерского собора, где похоронена Джейн Остин, лишь в 1872 г. появилась доска, где упоминают, и то вскользь, что Остин была писательницей? Почему близкие так настойчиво уверяли, что в жизни их родственницы не было никаких значительных событий? Почему им хотелось убедить мир, что Джейн была добрейшим и милейшим существом на свете, когда известно, каким быстрым был ее ум и острым язык? А что, если и в самом деле была какая-то тайна и прав Моэм, когда искренне недоумевает, как «дочь довольно скучного и безупречного в своей респектабельности священника и очень недалекой маменьки могла написать „Гордость и предубеждение“».

Впрочем, охотников разгадать эту загадку и ответить на бесконечные «почему» немало. Английские писатели давно сделали Джейн Остин героиней романов, рассказов, поэм, пьес. О ней писал Редьярд Киплинг в рассказе «Джейнисты»; современная английская писательница Фэй Уэлдон в «Письмах к Алисе по прочтении Джейн Остин»; австралийская романистка Барбара Кер Уилсон в романе с неожиданным названием «Джейн Остин в Австралии». XX век воздал должное автору «Гордости и предубеждения»!

Джейн Остин родилась 16 декабря 1775 г. в небольшом городке Стивентоне в графстве Хэмпшир. Отец ее, Джордж Остин, которого Моэм в сердцах назвал воплощением скучной респектабельности, был приходским священником, но необычным. Происходил он из старинной кентской семьи, был просвещенным и широкообразованным человеком. Его жена, Кассандра Ли, тоже принадлежала к старинному, но обедневшему роду. У Джорджа и Кассандры Остин было восемь детей: шесть сыновей и две дочери. Предпоследним ребенком была Джейн.

Для XVIII в. такое количество детей не было чем-то из ряда вон выходящим. Необычно было другое: при высокой детской смертности в то время все они выжили. Старший брат, Джеймс, имел склонность к литературным занятиям: писал стихи, прозу, но пошел по стопам отца. О втором брате, Джордже, в семье предпочитали не говорить: он был психически неполноценным, говорить так и не научился. Видимо, ради него Джейн Остин изучила азбуку немых, которой, судя по отзывам близких, владела вполне сносно. Третьего брата, Эдварда, усыновили богатые бездетные родственники Остинов Найты,

что открыло перед ним широкие возможности — из класса джентри он перешел в класс нобилити.

Самая яркая, самая романтическая судьба была у четвертого, любимого брата Джейн Остин, Генри Томаса. Человек увлекающийся и не слишком практичный, он перепробовал на своем веку немало профессий: служил в армии, был банкиром, поначалу преуспевал, но потом разорился, принял сан. Женат он был на Элизе де Фейид, вдове французского дворянина, окончившего свои дни на гильотине. Элиза оказала немалое влияние на Джейн Остин. Именно Элизе Джейн обязана неплохим знанием французского языка и французских авторов: Ларошфуко, Монтеня, Лабрюйера, а также любовью к театру. До того как Элиза получила печальное известие из Франции о смерти мужа, она часто ставила домашние спектакли, привлекая к этому занятию всех членов семейства Остин.

Два других брата, Фрэнсис и Чарлз, были моряками, дослужились до адмиральского чина.

Но особенная дружба связывала Джейн с Кассандрой. «Если бы Кассандре отрубили голову, — говорила миссис Остин, — Джейн настояла бы, чтобы с нею поступили так же». С Кассандрой она делилась всеми своими замыслами, Кассандра, конечно же, знала имя человека, которому хранила верность Джейн Остин, на руках у Кассандры Джейн Остин умерла. Кассандра, как и сестра, замуж не вышла. Ее избранник, молодой священник Томас Фаул, умер от желтой лихорадки в Вест-Индии, куда отправился в надежде заработать деньги на предстоящую свадьбу. Когда его не стало, Кассандре было только двадцать четыре года.

Гораздо меньше определенных сведений мы имеем о самой Джейн Остин. Мнения современников да-

же о ее внешности и то противоречивы. Джейн «со всем не хорошенькая, она очень чопорна для своих двенадцати лет, капризна и неестественна», — замечает ее кузина Филадельфия. «В жизни своей не видела другой такой хорошенькой вертушки, всецело занятой поисками мужа, как Джейн», — вспоминает некая миссис Митфорд, а ее подруга, навестившая Джейн Остин за два года до ее смерти, в 1815 г., замечает: «Джейн превратилась в застывший, молчаливый перпендикуляр — образец „счастливого безбрачия“, и до той поры, пока „Гордость и предубеждение“ не открыли всем, какой драгоценный алмаз скрывается в этом жестком футляре, в обществе на нее обращали не больше внимания, чем на кочергу или на каминную решетку». Иной виделась Джейн Остин С.-Э. Бриджесу, брату ее близкой приятельницы: «Она привлекательна, хороша собой, тонка и изящна, только щеки несколько кругловаты». С этим описанием схож и портрет Джейн, сделанный Кассандрой.

Хотя Джейн Остин и казалась кому-то «перпендикулярной», синим чулком она не была. Напротив, любила наряды, балы, веселье. Ее письма полны описаний фасонов шляпок, рассказов о новых платьях и новых кавалерах. Веселье счастливо сочеталось в ней с природным умом и очень неплохим, особенно для девушки ее круга и положения, даже не окончившей школу, образованием. Со школами Джейн в самом деле не везло; в первой она и Кассандра страдали от деспотичного нрава директрисы, чуть было не умерли, заразившись сыпным тифом. Другой школой в Рединге, напротив, руководила очень добродушная особа, но знания учениц были последней заботой в ее жизни. Вернув дочерей домой, Джордж Остин решил заняться их образованием сам и, надо сказать, весьма в этом преуспел. Уме-

ло руководя их чтением, он привил девочкам хороший литературный вкус, научил их любить классических авторов, которых отменно знал по роду собственных занятий. По вечерам, собравшись у камина в гостиной, читали вслух Сэмюэла Джонсона в изложении его биографа Босвелла. Любовь и почтение к «великому лексикографу», которого Джейн Остин нежно называла «мой милый доктор Джонсон», она сохранила на всю жизнь. Читали Шекспира, Голдсмита, Юма. Увлекались и романами, в первую очередь сочинениями Ричардсона, Филдинга, Стерна, Марии Эджуорт, Фанни Берни. Из поэтов в семье особенно почитали Каупера, Томсона, Грея, Крабба. Последнего Джейн как-то мельком увидела на улице в Лондоне и пошутила, что он единственный мужчина, за кого она вышла бы замуж.

Формирование личности Джейн Остин проходило, как бы мы сказали сегодня, в интеллигентной обстановке — среди книг, постоянных разговоров о них, обсуждений прочитанного и происходящего. Хотя всю свою недолгую жизнь Джейн Остин провела в провинции, Стивентоне, Бате, Чотэне, Уинчестере, лишь изредка наезжая в Лондон, большой мир с его событиями и катаклизмами: войнами, восстаниями, революциями — постоянно врывается во внешне спокойное и размеренное существование дочери английского священника. Шли Наполеоновские войны, Война за независимость в Северной Америке, Англия была охвачена промышленным переворотом, по ней уже прокатились первые выступления луддитов, в Ирландии бушевали восстания. Не только газеты приносили в Стивентон, Бат или Чотэн волнующие новости. Джейн Остин состояла в оживленной переписке с братьями, их женами, детьми, дальними родственниками, а некоторые из них были

непосредственными участниками исторических драм. Французская революция коренным образом изменила судьбу Элизы де Фейид, братья Чарлз и Фрэнсис воевали с Францией. В Вест-Индии умер жених Кассандры; в течение нескольких лет в семье Остинов воспитывался сын бывшего губернатора Индии Уоррена Гастингса. Письма соединяли английскую провинцию с революционной Францией, незнакомой и далекой Америкой, экзотической Индией и давали Джейн Остин бесценный материал для ее романов. Правда, ни в одном из них не найти рассказа о войнах или революциях, да и действие никогда не выносится за пределы Англии. Но по некоторым фразам, на первый взгляд кажущимся неважными, случайными, а главное, по тому, как Джейн Остин изображает своих героев, людей, живущих в мире, охваченном постоянным движением, ясно, что она неплохо ориентировалась в происходящем. Это особенно ощутимо в ее последнем романе «Доводы рассудка», где немало моряков, только что вернувшихся на сушу после военных действий, отличившихся в сражениях, плававших в Вест-Индию. Другое дело, что Остин не считала себя компетентной подробно писать о тех же военных действиях и начавшейся колониальной экспансии Англии. Сдержанность — черта не только творческого облика этой писательницы, сдержанность — основа всей ее жизненной позиции. И в этом отношении важно, что Джейн Остин происходила из семьи очень английской по царившей в ней атмосфере. Здесь умели глубоко чувствовать, но в то же время были сдержанными в изъяснении чувств. Преподобный Джордж Остин воспитывал своих дочерей не только воскресными проповедями, но и каждодневным примером — дух человека должен быть выше тягот жизни, болезней,

голода, нищеты, смерти. Остины не рыдали, во всяком случае на людях, когда отправляли сыновей на войну, с которой те могли и не вернуться. Не лили слез, когда эпидемии косили жителей окрестных деревень, но в меру своих сил пытались помочь бедствию.

Вдумываясь в скучные факты ее биографии, приходишь к довольно безрадостному выводу. Жизнь не слишком баловала Остин. Плакивала ли она погибшего жениха или не нашла достойного себе человека в своем окружении, но в тридцать лет Джейн Остин надела чепчик, объявив тем самым миру, что отныне она старая дева, простившаяся с надеждами на личное счастье. А ведь удел старой девы даже в такой дружной семье, как Остины, был не самым сладким. Приходилось подлаживаться под характер матери, женщины властной, требовавшей себе полного подчинения, мириться с капризами отца. Остины никогда не были богатыми, а после смерти отца, не позаботившегося о благосостоянии жены и дочерей, их обстоятельства стали еще более стесненными. Джейн обшивала семью, помогала матери по хозяйству.

Многое в своей жизни она, наверное, ненавидела — монотонную домашнюю работу, необходимость видаться с тупыми соседями, вести нелепые разговоры с их необразованными и духовно неразвитыми дочерьми, скрывать от них, что она пишет.

Сколько горькой иронии в рассказе о скрипящей двери в гостиную, которую не разрешала смазывать Джейн Остин. Скрип предупреждал ее о появлении неожиданных гостей, и она успевала спрятать под скатерть листки почтовой бумаги, убористо исписанные ее аккуратным и решительным почерком. Свои шедевры она создавала за столом, где семья собиралась за завтраками, обедами и ужинами.

Джейн Остин начала писать рано — в четырнадцать лет. Начала не с подражания, а с пародии, да еще какой дерзкой! «Любовь и дружба» (ошибка в заглавии, конечно же умысленная) — пародийный роман в письмах, в котором автор весело, впрочем иногда и довольно зло смеется над традицией — над бывшими в те годы в большом ходу сентиментальными и чувствительными романами, где герои чуть что — падают в обморок, умирают от любви, сходят с ума от горя и обо всем этом пишут друг другу в нескончаемых письмах. Эту книгу отличает юношеский задор, упоение от сознания, что автору под силу затеянное дело и что оно у нее так славно получается. Но легкость и очарование не должны нас обмануть. В изящной болтовне, льющей со страниц «Любви и дружбы», несложно увидеть бурлеск, сатиру будущих, зрелых произведений Джейн Остин. «Остерегайся обмороков... Поверь мне, при всей их пикантности и даже уместности, они могут, если ими злоупотреблять, самым пагубным образом сказаться на твоём здоровье» — в этих словах умирающей Софи, с которыми она обращается к безутешной Лауре, уже чувствуется ирония «Гордости и предубеждения», «Эммы», «Доводов рассудка».

Эти забавные письма писала молодая девушка, которую природа щедро наделила драматургическим даром: у каждого письма свое лицо, в каждом чувствуется личность автора, каждое способствует развитию действия и предлагает новый взгляд на происходящее.

Честертон первым обратил внимание на важность «Ювенилий», ранних произведений Джейн Остин: «В еще сырых сочинениях Джейн Остин подспудно проявляется острота ее воображения. Ее вдохновение, пусть еще совсем робкое, питается не внешними

впечатлениями, но глубоким чувством. В ее юных опытах уже намечается тот острокритический взгляд на жизнь, которым она прославится со временем».

Этот острокритический взгляд, сокрушительная стихия смеха, упоение весельем ощущаются и в ее пародийной «Истории Англии», которую она по всей форме посвятила Кассандре, правда тут же разрушила серьезность и торжественность, назвав себя «пристрастным, предубежденным и неграмотным историком», который не знает толком ни одной даты. Всю историю Англии она уложила в пятнадцать страниц. Впрочем, это было нетрудно при выбранном ею методе повествования. «События, пришедшиеся на время правления этого монарха (Карла I), были столь многочисленны, что мне с ними не справиться, да и вообще перечисление каких-либо событий (если они не имеют непосредственного отношения ко мне) кажется мне ужасно скучным занятием». Кстати, «историческая» задача Джейн Остин сводится к тому, чтобы доказать невиновность любимой ею Марии Стюарт и осудить ее противницу, Елизавету.

Такую решительность в обращении с материалом может позволить себе только прирожденная романистка, нутром чувствующая, что важно, а что только затормозит действие. Так же решительно, без затянувшихся экспозиций будут начинаться и зрелые романы Джейн Остин.

«Историю Англии» сопровождали забавные, несколько наивные в своем примитивизме рисунки Кассандры. Впрочем, они таковы не потому, что Кассандра плохо владела карандашом. Конечно же, и здесь игра, определенный замысел: именно такие «детские» изображения королей и королев соответствовали ироническому видению автора этого исторического сочинения.

Из-под пера Джейн Остин не вышло ни одной теоретической работы. Но вопросы эстетики явно занимали ее, и составить представление о литературных взглядах писательницы можно, обратившись к письмам, романам и даже «Ювенилиям». Ведь, читая «Любовь и друшбу», ясно, что четырнадцатилетняя писательница принимает в традиции, а что отвергает. Воспитанная на прозе Филдинга, Ричардсона, Джонсона, Стерна, она высмеивает эпигонов сентиментализма — авторов «романов чувствительности». Poleмика с ними определила не только структуру, но и само название ее первого зрелого романа «Чувство и чувствительность». С точки зрения Остин, эти авторы вульгаризировали открытия Стерна и Голдсмита, подменяли изображение естественных чувств описанием слезливой чувствительности. Джейн Остин отвергла и распространенный в 80—90-е гг. эпистолярный роман, в котором приемы Ричардсона, новаторские в середине века, превратились в застывшие формы, а стремление романистов искусственно сохранить жанр привело к выхолащиванию сути: переписка героев стала многословной, надуманной. Весьма отрицательно она относилась к «готическому роману» английских предромантиков. Особенно ей были ненавистны картины злодеяний и жестокости в «романах ужасов» ее знаменитого современника Мэтью Грегори Льюиса. Его роман «Монах», принесший особую известность автору, она считала безнравственным и не упускала случая это высказать. Более снисходительна она была к другому «готическому автору» — Анне Радклиф. С интересом и удовольствием читала ее книги: «Сицилийский роман», «Лесной роман», «Удольфские тайны». Она многое прощала Радклиф за естественность, которая даже описываемые ею ужасы делала не такими омерзи-

тельными. Впрочем, и Радклиф досталось в «Нортенгерском аббатстве»: «Как бы хороши ни были сочинения миссис Радклиф и как бы хороши ни были сочинения всех ее подражателей, они едва ли способствуют раскрытию человеческой природы, по крайней мере в средних английских графствах. Об Альпах и Пиренеях, с присущими им людскими пороками и дремучими сосновыми чащами, они дают, возможно, верное представление. Быть может, Италия, Швейцария и Южная Франция в самом деле изобилуют описываемыми в романах ужасами... В Альпах и Пиренеях, возможно, отсутствуют смешанные характеры, и тот, кого нельзя назвать ангелом, видимо, обладает душой демона. Но в Англии это не так».

Байрона Джейн Остин не слишком жаловала. В его сочинениях, за которыми, судя по ее переписке и упоминаниям в романах, она внимательно следила, Остин, со свойственной ей интеллектуальной чуткостью, не приняла в первую очередь «байронизма», хотя в первые десятилетия XIX в. никто еще не помышлял о «байронизме» и само понятие не было еще изобретено. В Англии об этом в конце 40-х гг. заговорил Теккерей, обнаружив в своих взглядах удивительную близость к Джейн Остин.

Романтическая поэзия казалась Джейн Остин плохой наставницей в жизни, о чем она с присущей ей определенностью и высказалась в романе «Доводы рассудка», вложив свое суждение в уста Энн Эллиот, беседующей с капитаном Бенвиком, который в начале книги предстает эдаким романтическим страдальцем. «Капитан Бенвик... кажется, рад был случаю выказать свои чувства; и, порассуждав о поэзии, о нынешнем ее расцвете, о сравнительных достоинствах славных поэтов, попытавшись установить, что следует предпочесть — „Мармион“ ли „Деве озе-

ра“ или совершенно даже напротив, как расценить „Гяура“ и „Абидосскую невесту“ и как произносить самое слово „Гяур“, он выказал затем такое близкое знакомство со всеми горестными песнями у одного поэта и вдохновенными описаниями безнадежных мук у другого; воспроизвел строки о разбитом сердце, а то и духе, рухнувшем под действием страстей... что наконец она решилась выразить надежду, что не всегда он питался одной только поэзией, и прибавила, что беда поэзии, на ее взгляд, в том и состоит, что редко кто наслаждается плодами ее безнаказанно и что она всего более впечатляет нас при том именно состоянии души, когда нам всего менее следовало бы ею упиваться».

Сложнее было отношение Джейн Остин к Вальтеру Скотту. Но он, как и Радклиф, подкупал ее своей естественностью, хотя само романтическое видение мира, присущее ему, не могло не раздражать Остин: «По какому праву Вальтер Скотт пишет романы, к тому же еще и хорошие? Это несправедливо. Ему достаточно должно быть славы и доходов как поэту. К чему лишать людей последнего куска хлеба? Мне он не нравится, и Уэверли мне не понравится — я это твердо решила и не намерена отступить от своего решения. Боюсь только, что мне придется это сделать».

Собственные критерии истины и красоты Остин выработала, основываясь на творчестве просветителей. Как и у них, истинно у нее лишь то, что открывается путем личного опыта, а потому художник, как завещал Филдинг, должен неустанно трудиться, изучая «Книгу Природы», — лишь она обеспечит ему необходимые знания.

Но как бы Джейн Остин ни преклонялась перед просветителями, их традиции уже оказались тесны

для нее. Тем более что просветительский реалистический роман, который наиболее соответствовал ее художественному идеалу на рубеже XVIII—XIX вв., лишился свойственной ему эпичности, философской проблематики и выродился в творчестве Ф. Берни, М. Эджуорт. Отношение Джейн Остин к Просвещению строится с позиций нового времени и нового зарождающегося искусства, которое уже «оплодотворено» романтизмом, с его повышенным, иногда даже болезненным интересом к человеку и его внутреннему миру.

Остин усвоила стиль и эстетические идеалы Джонсона, но уже, в отличие от Ф. Берни, не могла безоговорочно принять его дидактизм. Ричардсон интересовал ее проникновением в тайники души героев, учил улавливать малейшие нюансы настроения, но утомлял чрезмерным морализаторством и не удовлетворял изображением беспорочной добродетели. Нравственное чувство у Джейн Остин не изначально присуще «естественному человеку», но приобретается в процессе жизненных уроков.

Остин была близка теория «комического эпоса» Филдинга, его стремление увидеть и исправить смехом нелепое, неразумное, неестественное в природе человека. Но у Филдинга есть серьезный, с точки зрения Остин, недостаток — абсолютное всеведение автора. Ей же было больше по душе объективное изображение жизни — не рассказ, а показ ее. Поэтому она максимально драматизирует эпическую форму, организует свои романы как пьесы. При этом иногда она даже пытается «уйти» из повествования. Ее собственная авторская позиция как бы «стерта», а свое отношение к происходящему она никогда не доводит до сознания читателя путем активного вмешательства, которое она допускает лишь в тех слу-

чаях, когда необходимо сообщить в эпилогах, как же устроились судьбы ее героев. Герои, даже наиболее ей духовно и нравственно близкие, — Элизабет Беннет в «Гордости и предубеждении», Генри Тилни в «Нортенгерском аббатстве» — не бывают рупорами идей писательницы. Основой поэтики, средством выражения точки зрения автора впервые в английской литературе стал разработанный Остин диалог. Он бывает внешним — и здесь слова не обязательно соответствуют чувствам и настроению действующих лиц — и внутренним — отражающим эмоционально-духовное состояние персонажа.

Только в середине XIX в. нечто подобное попытается сделать в «Ярмарке тщеславия» Теккерей. Не подозревая о том, что он развивает заветы Остин, Теккерей поведет сложную, пока еще незнакомую XIX в. игру с читателем.

Каким бы иронически-презрительным ни было отношение Остин к предромантизму и романтизму, объективно ее реалистическое искусство впитало в себя достижения этих направлений. В изображении комической стихии, занимающей столь важное место в произведениях Остин, она не только наследница просветителей (просветительская сатира XVIII в., интеллектуальная игра Стерна), но и современница романтиков. Романтическая ирония отозвалась в иронии Остин и стала важнейшим компонентом ее поэтики.

Остин выдвигает определение человеческой природы как «сочетания... хорошего и дурного». Характер предстает у нее в развитии, в единстве частного и общего, или, как говорила писательница, «таким ни на кого не похожим и таким похожим на других». Ей доступны сложные в своей противоречивости, тончайшие психологические нюансы, которые тем не ме-

нее, как она убедительно показывает, зависят от денежных отношений и моральных законов, существующих в обществе. Такое глубоко новаторское понимание природы характера позволило Джейн Остин создать психологически убедительный образ положительной героини. Элизабет Беннет («Гордость и предубеждение») — художественное открытие Джейн Остин и единственный образ такого рода в английской литературе XIX в. А в позднем романе, «Мэнсфилд-парк», в образе Фанни Прайс писательница раскрыла индивидуальный, но внешне ничем не примечательный «смешанный» характер обычного человека. Каждодневное, негероическое скрывает для Остин одну из самых интересных тайн жизни — тайну человеческого характера.

Джордж Мур, внимательно изучавший мастерство психологического рисунка Джейн Остин, писал, что впервые в английском романе было дано столь глубокое изображение «пылающего сердца». Вирджиния Вулф назвала Остин «мастером, способным увидеть даже те чувства, что не лежат на поверхности».

Джейн Остин действительно стоит на перепутье литературных эпох. Она соединяет XVIII в. с XIX, не только развивает традицию, но показывает ее исчерпанность. Недаром в творчестве Джейн Остин такое место занимают пародии.

В конце XX в. трудно во всей полноте понять степень новаторства Джейн Остин. Все ее положения — эстетические и этические — кажутся очевидными, но совсем не такими бесспорными они были на исходе XVIII в.

Не надо обманываться и мнимым добродушием Остин: она совсем не такая добрая писательница. Она все видит, все подмечает, но из-за того, что она подает свои наблюдения в изящной, отточенной, ирони-

СОДЕРЖАНИЕ

Обаяние простоты. <i>Е. Гениева</i>	5
ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА	39
ЗАМОК ЛЕСЛИ. Неоконченный роман в письмах .	85
ЛЕДИ СЬЮЗЕН	125

Остин Дж.

О 76 Любовь и дружба / Джейн Остин ; пер. с англ. А. Ливерганта. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 224 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-01935-5

В настоящее издание вошли ранние романы Джейн Остин, до сих пор по праву считающейся первой леди английской литературы: «Любовь и дружба», «Замок Лесли», «Леди Сьюзен». Внешняя камерность этих забавных, искрометных историй, «литературных шалостей», оборачивается в итоге остроумным описанием нравов, едкой сатирой: тексты Остин — пародии, причем довольно жесткие, на мелодраматические опысы XVIII века.

При всей популярности писательницы (в колледжах и университетах Великобритании ее произведения обязательны для изучения) романы, вошедшие в сборник, на русском языке были впервые изданы лишь несколько лет назад. Тем радостнее новая встреча с юным, изящным, веселым дарованием Остин. Надеемся, русскому читателю возможность такой встречи представится еще не раз.

УДК 821.111
ББК 84(4 Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙН ОСТИН
ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА

Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Алексея Соколова
Корректоры Ольга Крылова, Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 10.10.2018.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 9,87. Заказ № .

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-AKB-7131-11-R